

НАУКА и РЕЛИГИЯ

5/2022

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

**АЛЕКСАНДР КАРЕЛИН:
Я НИКОГДА НЕ ПРИМУ
ЛЁГКОЙ ЖИЗНИ**

**СУФИЗМ
НА ЗЕМЛЕ ДАГЕСТАНА**

**ПОБЕДА, ПРОНИКНУТАЯ
ДУХОМ ХРИСТОВЫМ**

2022
№ 5

Анастасия ЧЕРНОВА

Былинный напев поэзии Николая Рубцова

Историческая песня и былина – это то, что рядом с нами сейчас и навсегда. Над тихим полем бледное и величественное видение. Далёкий стук копыт. Стрела, сверкнувшая под солнцем. Сумеречный ход воинов в доспехах. Как же всё рассмотреть, как суметь воспринять? И возможно ли дела давно минувших дней соединить с днём настоящим, современным и тревожным? Можно, и ещё как – свидетельствует поэзия замечательного русского поэта Николая Рубцова (1936–1971). Более того, уловить, почувствовать старину в событийных проявлениях нынешнего времени – чрезвычайно важно.

Про старину Рубцов пишет много. Признаком старины наделяются даже сосны: «Старинных сосен долгий шум...». При этом «достославная старина» обнаруживает себя не только в земном просторе, но и в небесном, как, например, в стихотворении «Привет, Россия...»:

*Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..*

Старина прослеживается в связи с предками (погосты) и в современных избушках, лесах и цветах, в судьбе народа.

В стихотворениях «Видения на холме», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «О Московском Кремле» и «Шумит Катунь» печальный гул, разлитый в ночном воздухе, кристаллизуется в конкретные исторические видения. Взбежав на холм, лирический герой прозревает картины грозного раздора («Видения на холме»), оседлав коня, скачет по холмам и одновременно по «следам миновавших времён» («Я буду скакать...»), сидит на камне перед рекой и в шуме быстрых вод улавливает таинственные мифы («Шумит Катунь»).

Видения прорастают сквозь предметные явления настоящего дня, а потом вновь пропадают. Характерно, что хрупкость современной действительности, взрываемой красочными видениями прошлого, остаётся всё же неизменной в своих природных реалиях: по-прежнему смиренно пасутся на лугу стреноженные кони, бежит река, цветут цветы и безмолвствуют могилы, и тайные сны больших деревень не нарушаются даже малейшим шорохом. Соотношение двух пространственных измерений – видимости и того, что скрывается за ней, – связано с особенностями репрезентации времени в поэтической системе исторических стихотворений Рубцова.

Граница между прошлым и настоящим прослеживается в тексте довольно чётко: если прошлое – это исторические видения, то настоящим, соответственно, является вся действительность, окружающая лирического героя в данный момент: река, кони, ночные поля. При этом бытийную направленность прошлого и настоящего определить не так просто. Здесь возникает вопрос о принципах соответствия временных категорий исчезающего и вечного – настоящему и давно прошедшему. Ведь настоящее время не всегда имеет свойства краткого мгновения, а прошлое – значение вечного. Так мы от внешнего, поверхностного различия прошлого и настоящего как совокупности событий, которые случились давно или происходят в данный момент, переходим к духовно-содержательным и глубинным художественно-изобразительным пластам, которые проявляются в сопряжённости двух времён: сакрального и профанного.

В монографии «Николай Рубцов. Ангел Родины» Н. Коняев, уточняя принципы расширения пространства и времени в стихотворениях на историческую тему, справедливо связывает их с древнерусской традицией. «Для поэзии Рубцова характерно особое, какое-то древнерусское, сохраняющееся в некоторых былинах восприятие

времени... Прошлое, настоящее и будущее существуют в его стихах одновременно, и если и связываются какой-либо закономерностью, то гораздо более сложной, нежели причинно-следственная связь». Лирический герой взбегает на холм сейчас, в настоящий день, однако его взору открываются события эпохи татаро-монгольского нашествия; впрочем, грозные видения развеиваются, и остаётся лишь «бессмертных звёзд Руси, спокойных звёзд безбрежное мерцанье». Звёзды мерцают, по верному замечанию Н. Коняева, «не в прошлом, и не в настоящем, и не в будущем, – а в вечном, непреходящем времени...»

Стихотворение «Видения на холме» не случайно имеет несколько вариантов, которые существенно различаются. Изменились не только название («Видения в долине» на «Видения на холме»), структура (строфический рисунок постоянно колеблется между ступенчатым и ровным), но и сами образы. Здесь Николай Рубцов отказывается от изображения конкретных исторических реалий:

Засвищут стрелы, будто наяву.

*Блеснёт в глаза
кривым ножом монгола.*

<...>

*И вижу я коней без седоков
с их суматошным
криком бестолковым,
мельканье тел, мечей и кулаков,
и бег татар
на поле Куликовом...*

Эти строки из стихотворения «Видения в долине», которое было включено в первый поэтический сборник Н. Рубцова «Волны и скалы» (1962), позже в книге «Лирика» (1965) автор опускает. Подобные изменения могут быть связаны и с цензурными соображениями. Рассмотрим ещё пример. В том же сборнике Рубцов пишет:

*Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Твои иконы, бунты бедноты,
И твой степной, бунтарский свист разбоя,
Люблю твои священные цветы,
Люблю навек, до вечного покоя...*

В сборнике «Звезда полей» (1967) эти строки изменены:

*Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...*

Долгое риторическое перечисление сужается до кратких, почти формульных, заклинательных строк. Отсекая конкретные исторические детали, Рубцов оставляет самые главные изобразительные штрихи, которые создают константный образ Руси и в своей неизменяемости равнозначны вечному мерцанию звёзд. Словосочетанием «до вечного покоя» утверждается христианская идея бессмертия человека и России. Не смерть, а вечный покой ожидает того, кто любит родные избушки, цветы и небеса.

Поэтическая мысль Рубцова идёт, с одной стороны, от исторической конкретики к более обобщённым «вневременным» образам, а с другой – от изобразительной красоты к подлинности и простоте. Например, если в первом варианте стихотворения автор, описывая звёздный свет, два раза употребляет эпитет «сапфирный», то к последнему варианту от этого «блестящего» эпитета отказывается и подбирает другие слова, которые обозначают не яркость сияния, но внутреннее состояние: пустыньность и незыблемый покой.

Главный признак звёзд – бессмертие – сохраняется во всех трёх вариантах. Вечен свет на звёздных берегах, и непреходящ ход быстрых речных вод в стихотворении «Шумит Катунь». Сражения, кровавые битвы – всё исчезло, скрылось в «тёмном зеве столетий», сам Чингисхан обратился в тень, а сибирская река бежит ио-прежнему, и всё так же, никак не меняясь, молчат над могилами цветы:

*Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!
Лицом к реке садился я на камень
И всё глядел, задумчив и угрюм,
Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев её былинный...
Катунь, Катунь – свирепая река!
Поёт она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, –
Они топтали эти берега!
И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И чёрный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...
Всё поглотил столетий тёмный зев,
И всё в просторе сказочно-огнистом
Бежит Катунь с рыданием и свистом –
Она не может успокоить гнев!
В горах погаснет солнечный июнь,*

*Заснут во мгле печальные аилы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...*

Мелодия реки – былинный напев – образует в стихотворении особый художественный мир, существующий по законам древнерусской поэтики. На всём лежит печать Божественного присутствия: небо хранит знаки древней клинописи птиц, река поёт таинственные мифы, а вокруг раскинулся сказочно-огнистый простор. Былина и сказка – такова в этом стихотворении концентрация фольклорных жанров.

Строка *«И кто-то древней клинописью птиц/Записывал напев её былинный...»* свидетельствует об осознании особого покровительства Всевышнего: великие события происходят не случайно, не по стечению внешних обстоятельств, но именно «кем-то» воспринимаются и записываются. Ощущение Высшего начала, управляющего миром, – аксиологическая константа фольклорного сознания.

Река не столько разделяет прошлое и настоящее, сколько соединяет в своём таинственном напеве разные грани бытия. Древнему сознанию было свойственно представление о пограничной реке, разделяющей миры живых и усопших. Н. С. Тихонравов отмечал: «Одним из самых исконных и существенных верований было то, что огромная река отделяет здешний мир от царства умерших». Вспомним, что в древнегреческих мифах старый Харон перевозит через реку Стикс души умерших, в скандинавском эпосе мертвецы, бредущие в Хель, преисподнюю, должны вброд пересечь шумную реку Гьелль, а в русской мифологии человеческой душе по пути на «тот свет» предстоит преодолеть огненную речку Смородину.

В древнерусской словесности река отделяет не только царство живых от мира усопших, но ещё и сферу тьмы от сферы света. Например, в «Слове о полку Игореве» река Донец имеет два значения. «В конкретном значении – препятствие на пути Игоря, а в абстрактном – граница между светом и тьмою».

Вневременная действительность в древнерусском произведении создаётся благодаря особому изобразительному ракурсу, который Д. С. Лихачёв обозначил как абстрагирование. «Абстрагирование вызывалось попытками увидеть во всём “временном” и “тленном”, в явлениях природы, человеческой жизни, в исторических событиях символы и знаки вечного, вневременного, “духовного”, “божественного”». Абстрагируясь, конкретные события преобразуются в универсальные «матрицы

мышления», в основе которых лежит дуализм добра и зла, света и тьмы.

По наблюдению И. Клейна, обстоятельства бегства князя Игоря приобретают символический смысл: Игорь бежит из тьмы половецкого лагеря (полночь!) в свет Русской земли (там светит солнце). «Прыснуло море в полночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасли вечером зори...» <...> «Солнце светит на небе – Игорь-князь в Русской земле».

Древнерусский читатель должен был соотносить половецкий лагерь с адом, а Русскую землю с раем, ведь для средневекового человека тьма – это сфера дьявола, ада. «Антагонизм света и тьмы, – пишет И. Клейн, – воплощается также в героях «Слова»: половцы связываются с дьяволом, властелином тьмы, русские – с Богом, преобладающим в свете».

Подобным образом дуализм света и тьмы проявляется и в стихотворении Рубцова «Шумит Катунь». «Сумрачная тень» Чингисхана затмевает солнце, тогда как стоянки русских деревень названы светлыми.

Значению Святой Руси как светлого места соответствует синонимия слов «светлый» и «святой», которую отметил А. В. Соловьёв в былинах и духовных стихах. В лирике Рубцова образ Руси также исполнен света. Именно свет определяет образ вечной, непреходящей Руси. Святая Русь – это и есть светлое место (стихотворение «Природа»): *«И меж домов, берёз, поленищ/Горит, струясь, небесный свет»*.

В другом стихотворении – «Долина детства» – небесная природа света содержит признаки вечности: *«И вокруг долины той любимой,/Полной света вечных звёзд Руси...»*

На родине светло даже ночью (стихотворение «Тайна»):

*Чудный месяц горит над рекою,
Над местами отроческих лет,
И на родине, полной покоя,
Широко разгорается свет...*

Свет оказывается не холодным и далёким, но, напротив, активно воздействует на внутренний мир человека (стихотворение «Уже деревня вся в тени»): *«И льётся в душу свет с небес...»*.

Или, например, в стихотворении «В глуши» небесный свет и святость оказываются неразрывно сопряжены:

*Когда душе моей
Земная веет святость,
И полная река
Несёт небесный свет...*

Влияние древнерусской поэтики ощутимо во всех стихотворениях Рубцова на историческую тему. Старинные видения встают над холмами и над древними реками, но, обратным образом, и сама твердыня, священные кремлёвские стены, соотносятся с чудесным миражом.

*Но как – взгляните – чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный –
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит? –*

воскликает лирический герой в стихотворении «О Московском Кремле». Кремль, с одной стороны, это твердыня, утверждённая навек, а с другой – сказочно-небесный мираж. Два этих состояния – осязаемой твёрдости, неизменяемости и одновременно некоторой призрачности, игры отражённого света, объединены свойством бессмертия:

*Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе, – о, Русская земля! –
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было всё: смиренье и гордыня –
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!*

В тексте присутствует традиционное обращение к Родной земле: «О, Русская земля!», которое перекликается со знаменитой строкой из «Слова о полку Игореве»: «О, Русская земля! Уже ты за холмом!»

Кроме неизменяемости во времени, ещё одна существенная особенность сакрального пейзажа – это его безлюдность, отсутствие в зарисовках людей. «Описываемая природа существует обособленно от человека, нет никаких следов его деятельности, что свидетельствовало бы об изменчивости времени».

В «Хождениях» игумена Даниила монастырь святого Саввы представлен весьма пустынным и безлюдным. «Жизни не чувствуется здесь ещё и потому, что в монастыре описаны только захоронения святых отцов, и ни слова не сказано о здравствующих монахах. Даниилу удалось передать состояние вечно царящего здесь покоя».

Точно так же «вечно царящий покой» воссоздаётся и в стихотворениях Николая Рубцова, связанных с образом Святой Руси. Вспомним, например, заключительные строки стихотворения «Шумит Катунь»...

В стихотворении «В святой обители природы» традиционный пейзаж («старушки, избы над рекой, незабываемые виды») также соотносится с кладбищенским покоем;

однако покой этот выражает не забытие или оставленность, но, напротив, высочайшее напряжение душевных сил, устремлённость к небесам:

*И неизвестная могила
Под небеса уносит ум,
А там – полночные светила
Наводят много-много дум...*

Такая безжизненность в соединении с неподвижностью внешних реалий является, как мы уже отметили, закономерностью аксиологической константы образа непреходящей Руси. Не менее важно и свойство устремлённости видимого, материального мира в бесконечность. В заключение хотелось бы напомнить стихотворение Рубцова, в котором ещё раз говорится о древности и вечности Руси.

*Поднявшись на холмах,
старинные деревни
И до сих пор стоят, немного накрываясь,
И древние, как Русь, могучие деревья
Темнеют вдоль дорог,
листву роняя в грязь.*

<...>

*Грустнее от того, что все мои печали
Кому я расскажу? Друзей со мною нет.
Ну что ж! Пусть будет так!
Ведь русские деревни
Стояли и стоят, немного накрываясь,
И вечные, как Русь, священные деревья
Темнеют вдоль дорог,
листву роняя в грязь...*

Простые деревья вдоль грязной дороги оказываются «древними», «вечными» и «священными». Старинные избы на холмах, дороги и леса – всё овеяно дыханием вечности, а в настоящем мгновении глубоким эхом звучит «глас веков».

Сказания древней старины, которые сначала лишь предчувствуются в шуме сосен или бурных речных вод («В старом парке», «Сосен шум»), претворяются в таинственные ночные видения («Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны...», «Видения на холме», «О Московском Кремле», «Шумит Катунь»), в дальнейшем, наконец, становятся зримой реальностью, воплотившимся чудом («Тихая моя Родина», «Тайна», «Душа хранит», «Ферапонтово» и др.). Исторические события не пропадают бесследно, но вновь и вновь возвращаются в таинственных видениях, а бессмертный свет звёзд указывает на нетленную вечность самой древней Руси.